

Глава 4. Кого поразил бумеранг

Еян Цы под дождём объехал восточные ворота и въехал в город через северные. По дороге он уже придумал, кто оплатит строительство нового моста — кланы Го и Хань.

Строительство мостов и дорог для родного края — дело в высшей степени благое. Если эти два семейства поскупятся даже на такие расходы, значит, в них не осталось ничего человеческого, и ему, как уездному судье, незачем будет говорить с ними о развитии Сяцзиня. Рано или поздно он выкорчует эту прогнившую шайку местной знати.

У ворот ямэня он столкнулся с Тан Шицзином, который только что вернулся с отрядом лучников с проверки контрабанды на почтовом тракте.

Тан Шицзин спешился и поклонился. Увидев чиновника одного, в простой одежде и промокшего до нитки, он нахмурился.

— Господин уездный судья, откуда вы возвращаетесь, да ещё и без сопровождения стражников?

Еян Цы, благодаря шести плодам архата, которые тот ему подарил, за последние дни полностью вылечил горло и потому, чувствуя признательность, ответил с улыбкой:

— С полей. Эти весенние дожди — к добру, в следующем месяце можно будет сеять яровую пшеницу. Но столько плодородной земли пустует, мне жаль на это смотреть. Думаю, когда придёт время, отправлю всех из ямэня пахать и сеять.

Тан Шицзина волновало не это.

— В следующий раз, когда господин будет выезжать, лучше брать с собой людей. В окрестностях Линьцина и Гаотана беспокойно, часто появляются речные разбойники, грабящие чиновников и торговцев, а также контрабандисты соли, вооружённые до зубов. Ещё есть банда разбойников-сянма, предводительница которых носит прозвище «Кровавый Колокольчик». Они промышляют в районе Цзинаня, грабят и даже нападают на казённые обозы. Господину следует быть осторожным.

Еян Цы понял его добрые намерения и кивнул.

— Я учту.

Тан Шицзин взглянул на его пояс и внезапно спросил:

— Господин носит саблю или меч?

Чиновник улыбнулся.

— Я не силен в боевых искусствах и предпочитаю убеждать словом.

Тан Шицзин сложил руки и собрался уходить, но Еян Цы окликнул его:

— Сюньцзянь Тан, не хотите ли вместе пожить за чужой счёт?

...Поживить за чужой счёт? Тан Шицзин, подозревая, что ослышался, обернулся. Еян подошёл ближе и понизил голос:

— Вы хотите заработать, и я хочу заработать. Мы все хотим заработать.

На губах Тан Шицзина промелькнуло подобие улыбки. Еян Цы заподозрил, что это была лишь заготовка, которую её обладатель, страдающий, возможно, лицевым параличом, не смог довести до конца.

— Когда и где? — спросил сюньцзянь Тан.

— Через пару дней, после моей встречи с отпрысками кланов Го и Хань. В Гаотане, — ответил господин Еян.

Они кивнули друг другу, заключив соглашение. Один повёл своих людей в патрульную инспекцию, чтобы переодеться и согреться у огня, а другой отправился во внутренний двор ямэня, чтобы принять ванну и выпить имбирного отвара.

На следующий день были доставлены приглашения от семей Го и Хань. Два главы кланов лично явились, чтобы пригласить нового уездного судью на встречу в сад Цзиньчуань на севере города.

Местность Цзиньчуань была низиной, где скопившаяся вода образовала озеро, поросшее водяными лилиями и камышом. Среди них гнездились водоплавающие птицы, что придавало этому месту очарование южных речных краёв. Клан Го выкупил эту землю и разбил здесь сад в южном стиле.

Когда Еян Цы прибыл со своими подчинёнными и стражниками, был уже вечер. Лучи заходящего солнца отражались в озере, которое издали казалось парчовым полотном. Облака и листья лотоса, отражаясь в воде, были словно вышивка на этой парче. Это было действительно прекрасное место для отдыха.

В усадьбе были разбросаны павильоны и беседки у воды. Было видно, что на это потрачено немало средств, что подтверждало богатство семьи Го. Заключив два поколения назад брачный

союз с семьёй Хань, чьи предки были военными, они вместе стали самым влиятельным кланом в Сяцзине, не пришедшим в упадок даже во время смут.

Еян Цы всегда считал, что среди отпрысков больших семей, хотя и встречаются бездельники и задиры, непременно есть и выдающиеся личности, ведь семейное наследие и доступ к образованию играют свою роль. И вот, оглядев собравшихся, он увидел, что здесь действительно было немало молодых талантов: и статные, и красивые, и с учёным видом, и с воинской выправкой — на любой вкус.

Судья любовался юными дарованиями, а те, в свою очередь, любовались им. Разница была лишь в том, что взгляд вышестоящего был спокоен и сдержан, а взгляды нижестоящих — полны восторга и восхищения.

При рассадке гостей соблюдалась иерархия, но главное место, конечно же, было отведено уездному судье. Два патриарха, которым было уже за шестьдесят, подошли к Еяну с вином, чтобы извиниться за то, что плохо воспитали своих сыновей, и что Го Саньцай и Хань Хань проявили к нему неуважение.

Еян Цы вежливо принял извинения, заявив, что он человек великодушный и не будет обращать внимания на мелкие проступки сяньчэна и чжубу, и что в будущем они по-прежнему будут его правой и левой рукой.

Го Саньцай и Хань Хань также подошли с вином, а затем сели по обе стороны от него, и на этом инцидент был исчерпан.

После трёх чаш вина Еян Цы перешёл к делу.

— Мост через ров у восточных ворот обрушился. Известно ли об этом двум главам кланов?

Го Эрмяо, будучи старым и хитрым, тут же ответил:

— Вчера слуга доложил мне об этом. Я как раз собирался вместе с семьёй Хань пожертвовать пятьсот лянов серебра на строительство нового каменного арочного моста для удобства жителей.

Хань Юэ также подтвердил.

— Именно так. Господин спросил как раз вовремя. Завтра я начну закупать материалы и нанимать мастеров, чтобы за месяц построить новый мост.

Еян Цы выразил удовлетворение и похвалил их.

— Достойные мужи, истинный свет нашего уезда. Ваши благие дела непременно принесут вам добродетель и счастье, и благословят ваших потомков.

Слова «свет нашего уезда», произнесённые чиновником, казалось, сияли. Патриархи, услышав это, были так счастливы, что готовы были сразу после пира заказать памятную табличку с этой надписью и повесить её над воротами.

У входа в сад Цзиньчуань Хань Лумин тащил Го Сысяна, пытаясь затянуть его в беседку на пир.

Го Сысяну было восемнадцать лет. Одетый в военную форму, он служил сяоци в гарнизоне Пиншань. На этот раз глава семьи вызвал его, чтобы он показался новому уездному судье и, если повезёт, снискал его расположение, перестал якшаться с солдатами и в будущем пошёл по пути государственных экзаменов.

Будучи бунтарём в семье учёных, Го Сысян мечтал лишь о ратных подвигах и службе на границе, за что не раз получал нагоняй от родителей. Но поскольку юноша был выдающимся воином и отважным человеком, дед, Го Эрмяо, очень любил его и надеялся, что он добьётся успеха.

А вот Хань Лумин, который был на год старше его, наоборот, ничуть не унаследовал воинского духа своей семьи. Он был утончённым и образованным, любил чтение, каллиграфию, живопись, игру в ци и шахматы, и постоянно рвался из дома, чтобы учиться и путешествовать по свету. За это он получил прозвище «господин Фую», чем доводил своего деда до белого каления.

И вот сейчас эти двое, «спящий дракон» и «молодой феникс», тащили друг друга и в конце концов оказались у беседки. Проходя через лунные ворота, они столкнулись нос к носу с Еяном, который как раз покинул пир, чтобы отлучиться по нужде.

Го Сысян гневно кричал:

— Я не пойду! Ты не слышал, что говорил мой двоюродный дядя, сянчэн Го? Этот новый уездный судья — содомит! Он любит забавляться с молодыми и крепкими красавцами. Я боюсь, что не сдержусь и разобью ему кулаком его похотливую старую рожу!

Хань Лумин терпеливо уговаривал его:

— Не всё так страшно. На пиру много юношей, не факт, что чиновник выберет именно тебя. К тому же, я красивее тебя... нет, в пять раз красивее. Если он кого и выберет, то меня. Эх, если ты не пойдёшь со мной, то я окажусь агнцем в пасти тигра.

Го Сысян гневно сплюнул.

— Ну и самовлюблённый же ты! В любом случае, кого бы он ни выбрал из наших семей и ни

потребовал у глав кланов, я ему этого не прощу! Бесстыжий старый кролик!

— ...О? — Еян Цы коснулся своего лица и с улыбкой спросил. — И как же вы собираетесь меня не прощать?

Го Сысян, услышав незнакомый мужской голос, раздражённо обернулся и уставился на него — и застыл на месте.

Весенняя ночь была прохладной, ветер срывал с веток остатки цветов сливы, и они, словно снег, осыпали его. Молодой человек не мог пошевелиться, глядя на фигуру в свете фонаря, и с трудом выдавил из себя:

— Ты... из чьей семьи... или ты небожитель, спустившийся на землю...

Хань Лумин тоже широко раскрыл глаза и, разглядывая его, с восхищением произнёс:

— Какая красота! Такое изящество и чистота, что даже я чувствую себя неловко. Позвольте спросить, как зовут вас, о небожитель?

Уездный судья сложил руки и очень любезно ответил:

— Я — тот самый «бесстыжий старый кролик», который «любит забавляться с молодыми и крепкими красавцами», «похотливый содомит», новый уездный судья Сяцзиня, Еян Цы.

Го Сысяна словно поразил бумеранг. Он зашатался и начал падать назад. Хань Лумин подхватил его и обеспоенно воскликнул:

— Ох, друг мой, держись!

Главы обоих семейств, чьи «спящий дракон» и «молодой феникс» выставили себя на посмешище, почувствовали себя неловко и заставили их извиняться. Еян Цы небрежно отмахнулся, сказав, что он человек великодушный и не будет обращать внимания на юношескую дерзость, и что они по-прежнему остаются лучшими молодыми талантами уезда.

Однако этим «талантам» пришлось пожертвовать двадцать волов и несколько железных плугов — в следующем месяце ямэнь собирался проводить весеннюю пахоту, а тяглового скота не было.

Один вол стоил тридцать лянов серебра. Не успели они закончить ужин, как лишились ещё шестисот с лишним лянов. Оба патриарха, скрепя сердце, согласились и велели юношам с фонарями проводить сытого и довольного судью до его повозки.

Когда Еян Цы садился в повозку, Го Сысян протиснулся сквозь толпу и, подняв голову, спросил:

— Господин уездный судья, в вашем ямэне не хватает военных чинов? Или гражданских?

— Дяньши, сюньцзянь и цзяюй уже есть, и я не собираюсь их менять. Что до стражников и сыщиков... — господин Еян мысленно крепче сжал свой кошелёк, — их достаточно.

Увидев разочарование юноши, господин Еян добавил:

— Не знаю, не собираются ли сяньчэн и чжубу на покой. Если они захотят уступить дорогу молодым, я не буду возражать. Своим ведь лучше, чем чужим.

Занавеска опустилась, и колёса зазвенели. В повозке юный слуга Ли Тань, закутавшись в накидку, хихикал, свернувшись в клубок:

— Хозяин, эти два болвана такие забавные!

Еян Цы с улыбкой упрекнул его:

— Сам ещё ребёнок, а других называешь болванами. Впрочем, теперь я взбаламутил воду, и сяньчэну Го и чжубу Ханю будет о чём поволноваться. Если они не извлекут урока и не оставят свои козни, я, недолго думая, отправлю донесение в Министерство чинов о том, что в Сяцзине избыток чиновников, и можно сократить должности сяньчэна и чжубу для экономии казённых средств. А я на свои деньги найму советника по финансам и советника по уголовным делам, возьму дяньши в помощники и буду управлять уездом не хуже прежнего.

Ли Тань был впечатлён, но усомнился:

— Хозяин, у вас так много денег, чтобы нанимать советников?

Еян Цы серьёзно задумался.

— Это будет зависеть от того, насколько щедрым окажется князь Гаотан.

Он приказал Ли Таню:

— Завтра я отправляюсь в Гаотан. Когда вернёмся в ямэнь, собери вместе с Ломо вещи. Пока меня не будет, присматривайте за ямэнем. Если что-то срочное, отправляйте гонца на почтовую станцию в Гаотане.

Ли Тань разочарованно спросил:

— Хозяин, вы не возьмёте нас с собой?

Еян Цы погладил его по голове:

— Я уже нашёл себе на эту поездку и возницу, и телохранителя.

<http://bllate.org/book/15875/1436569>